

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-227-228

© **Н. А. Богомолов**, © **Е. А. Пономарева**

ADDENDA

Год назад один из авторов этой заметки опубликовал фрагменты из ряда писем известного литературоведа Ивана Никаноровича Розанова (1874–1959) к жене из Кисловодска, где он отдыхал в санатории ЦЕКУБУ. Его соседкой там некоторое время была А. А. Ахматова, и в письмах довольно много упоминаний о ней, кратких пересказах разговоров, отзывов Ахматовой о писателях и др.¹ Эти письма откололись от основного архива Розанова, хранящегося в Отделе рукописей РГБ, и оказались в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве в составе его прославленной «Библиотеки русской поэзии». Однако в свою очередь от них откололось и попало в частное собрание небольшое письмо, дающее несколько дополнительных подробностей и любопытных характеристик для воссоздания облика Ахматовой и ее интересов как читательницы французской поэзии в связи с творчеством Пушкина.

Письмо на почтовой бумаге небольшого формата, вероятно, из набора с видами города и его окрестностей.² Верхнюю треть листа занимает картинка под названием «Кисловодск. „Храм Воздуха“». Сверху над изображением Розанов написал: «Я посылал уже „Храм Воздуха“ вблизи. Теперь он издали». Затем нарисована обращенная к правому краю картинка стрелка, около которой слова: «Эльбрус с этой стороны».

Само письмо начинается под картинкой, и поначалу Розанов продолжает писать чернилами, указывая по левому краю даты: «9 VII суббота / 21ый день (21/35)», а по правому — «№ 21 (23)».

Затем он переходит на карандаш. На левой стороне — вполне бытовые записи: «6 ч. вечера. Сижу в парке на лавочке. Через дорожку несколько молодых дубков. Зайдешь за эти дубки и увидишь „Храм Воздуха“ приблизительно в таком виде, как он на этой картинке».

21/35, т. е. 3/5 с сегодняшним днем кончился. День был ванный, т. е. посвященный этой процедуре (у меня ванны начинаются почти всегда в 10 ч. 30 м., в 11.30 или 11.15 я уже дома) и многократному лежанию до обеда».

Очевидно, что он считает дни, оставшиеся до окончания его пребывания вдали от жены, и тщательно нумерует доказательства того, что пишет каждый день (вторая цифра, видимо, увеличивает количество писем за счет посланных с дороги).

¹ *Богомолов Н. А.* Анна Ахматова: лето 1927 года // Русская литература. 2019. № 4. С. 145–152.

² На обороте реквизиты: «Окр. 917. Тираж 2000. Заказ № 1343–27».

Самое интересное записано на обороте: «А. А. удивляет меня своими познаниями в литературе и истории. Про Пушкина говорит она не как любительница, а как пушкинистка, занимавшаяся специально исследованиями в этой области. Особенно интересует ее вопрос о влиянии на Пушкина французской поэзии, в частности Буало. Татьяна Ларина, по ее словам, напрасно признается „типично русской“. На создание этого типа повлияло стихотворение А. Шенье, переведенное Пушкиным: „Ты вянешь и молчишь, тоска тебя снедает“».

А. А. уже несколько лет „вегетарианка“. Молока она не любит и вместо молочного-растительного стола признает только растительный. „Пасусь!“ — сказала она про себя. Она нередко выражается образно: сегодня ей пришлось под дождем пробираться осторожно в контору. „Как кошка по снегу“, — определила она. Ненавидит она переводы, неразрезанные книги и... и почему-то... Украину».

Несмотря на малый объем, извлечь из публикуемого текста удастся не так уж мало. Прежде всего, следует учитывать лишнее свидетельство интереса Ахматовой к Буало, о чем известно немного. Р. Д. Тименчик писал: «В зиму 1926/27 г. Ахматова усиленно занималась поисками французских источников Пушкина. По-видимому, с этой работой связаны сведения, которые один из современников сообщил со слов Ю. Н. Верховского: „Весь прошлый год он пробыл в Петербурге. Бывал у Ахматовой. Говорит, что она почти всю зиму пролежала: у нее туберкулез кишок. Она очень, очень много читает, прочла всего Вольтера, всего Буало, которого она, оказывается, очень любит“».³ Ср. также записанное Л. К. Чуковской гневное замечание Ахматовой о Брюсове, не прочитавшем вовремя Буало.⁴

Любопытные уточнения вносят и фразы о влиянии Шенье. Как достаточно хорошо известно, Ахматова весьма интенсивно занималась вопросом о Пушкине и Шенье за год до

³ *Тименчик Р. Д.* Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Публикации. Библиография. Л., 1982. С. 113. Полностью письмо Д. С. Усова к Е. Я. Архипову от 31 августа 1927 года см.: *Усов Д.* «Мы сведены почти на нет...»: [В 2 т.]. М., 2011. Т. 2. С. 456. Заметки Ахматовой о Пушкине и Буало (которые не удалось подробно откомментировать) см.: *Герштейн Э. Г., Вацуро В. Э.* Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине // Временник Пушкинской комиссии 1970. Л., 1972. С. 34, 39.

⁴ *Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 51.

интересующего нас момента. Главный свидетель этого — П. Н. Лукницкий. 15 мая 1926 года он записал: «...АА сегодня высказывала свои мысли по поводу влияния Шенье на „Евгения Онегина“». Попробую изложить их суть. <...> Тезис АА таков: все четыре главных действующих лица „Евгения Онегина“ (Онегин, Ленский, Татьяна и сам Пушкин) — вопреки явному желанию Пушкина резко разграничить их типы (Онегин — байронического типа герой, Ленский — чистейший романтик германского склада и т. д.) — носят в себе очень явные классические черты. И давая их характеристику, Пушкин произвольно включает в них классические элементы из Шенье и, вероятно («вероятно» — потому что АА этого не знает), из других классиков. Скажу лишь о Ленском (потому что АА обнаружила это сегодня — обнаружила с большой очевидностью). Описание могилы Ленского (глава 6, строфы XI, XII) в точности совпадает со стихотворением „Гроб юности“, а источник последнего — элегия (?) Шенье. <...> Влияние Шенье на три остальные фигуры АА найдено раньше, и, кажется, у меня отмечено уже». ⁵ К сожалению, Лукницкий или не записал этого, или записи оказались утрачены. Отчасти мы теперь можем восстановить хотя бы то, что Ахматова думала по поводу Татьяны.

⁵ Лукницкий П. Н. *Acumiana*: Встречи с Анной Ахматовой. Париж; М., 1997. Т. II. 1926–1927. С. 163–164. Библиографию к теме «Пушкин и Шенье» см.: Рак В. Д. Шенье Андре-Мари // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVIII–XIX. С. 387–388.

Отметим кстати, что чуть позже, ровно за год до публикуемого письма, Лукницкий зафиксировал ее слова при разговоре о «Поэтическом хозяйстве Пушкина» Вл. Ходасевича: «...это точная наука, не рассуждения вроде „тип Татьяны как русской женщины“ или Айхенвальд». ⁶ То есть формула «типично русская» признается ею ошибочной в принципе, она должна быть заменена исследовательскими методами самой Ахматовой или Ходасевича. Не будучи подлинными специалистами в области пушкинской библиографии, не можем быть полностью уверенными, но единственная известная нам работа, подробно освещающая тему влияния «Ты вянешь и молчишь, тоска тебя сдает...» на разработку образа Татьяны идет как раз по пути фиксации «типа Татьяны как русской женщины»: автор не знает или делает вид, что не знает источника пушкинского стихотворения — стихов А. Шенье. ⁷ Еще одна работа исходит лишь из самой общей констатации: «Работа над переводом элегии была для Пушкина своеобразным этюдом к характеру Татьяны — пробой красок, поиском интонаций». ⁸

Записка Розанова позволяет нам увеличить количество вполне убедительных параллелей между творчеством французского и русского поэтов.

⁶ Лукницкий П. Н. *Acumiana*. С. 212.

⁷ См.: Уварова И. В. Лирика А. Пушкина и «Татьяны милый идеал» // От Пушкина до Блока: Сб. статей. Краснодар, 1968. С. 32–34.

⁸ Сандомирская В. Б. Переводы и переложения Пушкина из А. Шенье // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 99–100.